

Грахова Светлана Ивановна, Исмаилова Наиля Иркиновна

СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ДЕТЕЙ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается жанр былички, заимствованный детьми у взрослых и перешедший в детский фольклор в разряд страшных (суеверных) рассказов. Раскрываются жанровые особенности, поэтика детской былички. Отличие детской былички от созданной взрослыми видится в поэтических заимствованиях из жанра сказки. Отсюда свойство двоemiрия, которое строится на бинарных отношениях, в свою очередь, составляющих тернарную структуру. Особое внимание уделяется психологическим аспектам исполнения и бытования детской былички. Раскрывается мифическо-культурный мир детей, являющий силу сложного сочетания закономерностей детской психики и специфического восприятия внешнего мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 52-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**GENRE SPECIFICS OF THE STORY “BOIE”
(ON THE PROBLEM OF ARCHITECTONICS OF “QUEEN FISH” BY V. ASTAFYEV)**

Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa@yandex.ru

The article reveals the connection of “Queen Fish” by V. Astafyev with the journalistic genres. In the chapter-story “Boie” the author distinguishes the structural elements of a travelling essay, hunter’s story, identifies journalistic cliché in the language of a work of literature. The author claims that “Boie” as well as the whole “Queen Fish” is a synthetic work in the aspect of architectonics and genre. The special attention is paid to various angles of reconstructing the image of Siberia.

Key words and phrases: V. P. Astafyev; journalistic nature; genres of journalism; essay; story; lyrical prose; image of Siberia; “Queen Fish”.

УДК 398.21

Филологические науки

В статье рассматривается жанр былички, заимствованный детьми у взрослых и перешедший в детский фольклор в разряд страшных (судеверных) рассказов. Раскрываются жанровые особенности, поэтика детской былички. Отличие детской былички от созданной взрослыми видится в поэтических заимствованиях из жанра сказки. Отсюда свойство двоемирия, которое строится на бинарных отношениях, в свою очередь, составляющих тернарную структуру. Особое внимание уделяется психологическим аспектам исполнения и бытования детской былички. Раскрывается мифическо-культурный мир детей, являющий силу сложного сочетания закономерностей детской психики и специфического восприятия внешнего мира.

Ключевые слова и фразы: быличка; страшный рассказ; поэтика; жанровая особенность; мировосприятие детей; механизмы психологической защиты; бессознательное.

Грахова Светлана Ивановна, к. филол. н., доцент

Исмаилова Наиля Иркиновна

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
SG2223@yandex.ru; ismailova01@mail.ru

СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ДЕТЕЙ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[©]

Детский фольклор – это устное словесное творчество самих детей и взрослых, создающих произведения специально для детей, либо отдельные явления взрослого фольклора, заимствованные детьми. Это мнение разделяют В. П. Аникин [1], Э. В. Померанцева [8], В. А. Василенко [2] и ряд других исследователей. Постоянно изменяющиеся общественные условия оказывали влияние на содержание и структуру фольклора детей (о жанровой разновидности детского фольклора см.: [3]). Со второй половины XX века наблюдаем «вторжение» городской культуры в сельскую, происходит концептуализация и новая мифологизация городского и деревенского пространства. У этого явления есть своя предыстория: значительность мифологических представлений в разные эпохи культурного развития не подлежит сомнению, менялась только сфера распространения, характер и степень их присутствия, а сама же повседневность бытования старых и формирования новых мифов оставалась неизменной. И сегодня мифология (городская, профессиональная, бытовая и пр.) широко представлена в современной народной культуре, в частности, в фольклоре детей, являющихся объектом нашего специального исследования.

1. Быличка в детском фольклоре: к теории жанра

Быличка – жанр несказочного прозаического фольклора, рассказ о встрече с фантастическим существом народной демонологии [6, с. 67].

Детские былички соответствуют всем правилам фольклора: устное исполнение в произвольной форме, доступность в восприятии, динамичность сюжета, простота языка. Важно и то, что рассказчик избирает мемуарно-иллюстрационный стиль говорения, особенностью которого является передача истории как личного или услышанного воспоминания. Основу мифологических рассказов составляют фантастика и мистицизм [10].

Отметим, что в детском фольклоре в поэтике былички наблюдаются заимствования из народных сказок. Нередко используются разные типы сказочных повествовательных структур (кумулятивная и замкнутая цепочка мотивов); эпическое утроение (например, трижды повторяется ситуация встречи с существом параллельного мира); в композиционной структуре нередки сказочные формулы («жили-были», «в одном доме жил-был...»). Самое главное, детская быличка перенимает традицию благополучного конца фантастической истории.

Пример: «Жила-была девочка. Ее родители купили новый дом. Вся семья переехала. Дом был красивый, уютный. Девочка радовалась переезду. Теперь у нее была своя комната.

Но в первую же ночь в доме в комнату к девочке пришел большой пушистый кот. Сам черный, глаза зелеными искорками сверкают. Удивилась девочка, ведь не было у них кота. Позвала она его тихонько: —К~~о~~-кис-кис”. А он только фыркнул и растворился в темноте.

На вторую ночь кот снова явился в комнату к девочке. Снова уселся напротив ее кровати и смотрит своими зелеными глазами. На этот раз девочка спросила: —Котик, ты откуда? Ты чей? Почему днем я тебя не вижу?” Потянулась к нему рукой, хотела погладить. А кот фыркнул и снова исчез.

На утро девочка рассказала об этой истории маме. Задумалась мама и говорит: —Дочка, я, кажется, догадываюсь, что за кот к тебе приходит. Мы домового в старом доме забыли. Он сердится. Вот и фыркает. Надо исправить ошибку”. Позвонили они бабушке, рассказали свою историю. Та научила их, как с домовым помириться и в новый дом пригласить. Для этого надо было купить новую корзинку, теплый платок, свежий пирожок и молока. Пойти в старый дом. Поставить корзинку с пирожком посреди дома, чуть прикрыть ее платком, только маленький лаз оставить, и сказать: —Хозяюшка-домовой, прими подарочек, и наше приглашение в новую хату. Будь хранителем дома нашего, защитником нашим”. Оставить корзинку на некоторое время в доме. Потом вернуться за ней. Не глядя внутрь, накрыть корзинку платком, и перевезти ее в новый дом. Оставить корзину в теплом неприметном углу нового дома. А на ночь оставить у домика домового блюдце с молочком.

Так и сделали девочка с мамой.

На третью ночь снова пришел кот с зелеными глазами. На этот раз он не шурился сердито. Спинку выгибал, лапками мягко перебирал. Обошел весь дом. Ласково мяукнул и исчез в темноте.

Поняла девочка, что простил их домовый, принял приглашение, пришел в новый дом, хозяйство принял. Теперь все будет хорошо да ладно» [9, с. 185].

Жанровая особенность как традиционных, так и современных мифологических рассказов – двоимирие – свойственно и детским быличкам. Двоимирие в мифологических рассказах выражено, прежде всего, картиной мира и образной системой. Действительность, жизнь человека распадается на мир феноменальный и мир ноуменальный, то есть мир реальный, видимый и мир воображаемый, потусторонний.

Двоимирие детских быличек строится на бинарных отношениях, которые, в свою очередь, составляют тернарную структуру. В пределах тернарно-бинарных отношений реализуется образная система, воплощаются основные конфликты (ситуация «встречи» с представителем параллельного мира), именуется, или условно обозначаются, персонажи, производится символизация предметно-природного мира [5, с. 48].

Так, система образов детских быличек, в связи с особенностями их художественного изображения, могут быть классифицированы тремя группами:

1) главный герой (это, как правило, чаще всего сами дети – девочка или мальчик; мужчина или женщина, старик или старушка; главный герой может именоваться по роду деятельности: ученик, студент, водитель, врач, учитель и пр.);

2) помощник героя, который, в отличие от сказок, не фантастичен, а реален (мама или папа, друг или подруга, дедушка или бабушка, полицейский (милиционер) и пр.);

3) противник (дух темноты, леший, домовый, ведьма (колдун), белая женщина (женщина в белом), мертвец, полтергейст и пр.).

В основе быличек заложена ситуация «встречи» с потусторонним существом. Часто в детских быличках встреча главного героя с мифическим может повторяться три раза (по сказочной традиции). Все три встречи наполнены разным психологическим содержанием: потрясение, нагнетание ужаса, желание избавиться от страха. Вектор сюжета – победа над злом, восстановление гармонии внешнего и внутреннего миров.

Часто детские былички заимствуют игровую функцию из другого жанра современного детского фольклора – страшилок – это игровые истории, задача которых вызвать испуг выкрикиваемой последней фразой (например: «Отдай свое сердце!», «Молись, трусиха (трус)!»). Чем сильнее испуг, тем веселее можно посмеяться над ситуацией, вызвавшей его.

2. Психология повествования былички

Былички повествуются, как правило, детьми от восьми до пятнадцати лет. Это осознанное рассказывание истории имеет цель – точно передать содержание и добиться от слушателя конкретной реакции, а именно вызвать чувство страха. Воспринимая жуткую историю, слушатель, как правило, психологически переживает и побеждает страх (часто через смех). Таким образом, быличку можно рассматривать как одну из форм самоутверждения личности.

Быличка, как правило, рассказывается в разное время суток (чаще, конечно, поздним вечером, перед сном), по случаю, в сцепке с другими повествованиями подобного типа. Повествование ведется в медленном темпе, с долгими паузами, шепотом или вполголоса, что позволяет сохранить принцип традиционного демонологического рассказа – испугать.

От рассказчика слушатель узнает о факте встречи с представителем народной демонологии, об испытанных впечатлениях и переживаниях. Если повествователь сам не является свидетелем происшествия, то он ссылается на убедительные для слушателя факты, подробности «контакта», уточняет, что при этом чувствовал главный персонаж. Все это укрепляет веру слушателя в правдоподобность сообщаемого.

Иногда сказители современных быличек и бывальщин не стремятся вызвать у слушателя страх и веру в произошедший сверхъестественный случай. Их повествования звучат «по случаю», в контексте беседы, как некогда услышанные истории о необычных событиях из жизни человека. Вместе с установкой на достоверность утрачивается предостережение, назидательность подобных рассказов. Рассказчик по отношению к слушателю занимает позицию «хочешь верь, хочешь не верь».

3. Психология бытования былички в детской среде

Рассказы о мифических существах обусловлены закономерностями становления детского сознания, истоки которого следует искать в мире детства. Мифическо-культурный мир детей формируется посредством сложного сочетания особенностей детской психологии и специфического восприятия внешнего мира, под воздействием ближайшего культурного окружения ребенка, языковых стереотипов, текстов традиционного фольклора, художественной литературы и пр. Этот неведомый мир, формирующий мифологическое мышление, является для ребенка своеобразным средством познания реальности, вхождения в культуру, средством психической саморегуляции и развития воли. «Детский «страшный» фольклор, изобилующий драматическими коллизиями, отражает естественное психологическое состояние ребенка, осознающего трудности окружающего мира, испытывающего тревогу и беспокойство. Детские страшные истории являются способами, посредством которых ребенок наилучшим для себя образом преодолевает собственные страхи. Это эффективная борьба с собственным бессознательным, удовлетворение потребности показать сильные стороны личности, такие как храбрость, сила воли мужество. Именно таким путем происходит формирование самоутверждения и самооценки ребенка, развитие его познавательного-исследовательского инстинкта. Таким образом, происходит своеобразная тренировка ощущения личной границы и инстинкта самосохранения [9].

Несмотря на то, что детская устная проза представлена немудреными образами, в ней обнаруживаются психические и эмоциональные переживания тех предметов, которые и создают в воображении ребенка нечто, обладающее особой психической энергией. Страшилки возникают как ответ детской психики на древний языческий архетип – страх смерти, страх на неосознанную боязнь существ из мира ненайденных людей и переселенных душ. К середине дошкольного возраста ребенок осознает, что он смертен. Разнообразные детские страхи, будь то страх призраков, ночные страхи, страх перед белыми халатами, собаками и прочее можно рассматривать как масштабный страх смерти. В силу особенностей возрастного развития ребенок не держит переживания внутри, а говорит о них. Именно поэтому, детские страшилки так любят слушать и рассказывать наши дети, интуитивно превращая их в психокоррекционное лекарство от страха. Таким образом, дети учатся переживать страх.

Как правило, к страшным историям дети начинают приобщаться с пяти-шести лет. В этом возрасте они начинают осознавать, что окружающий мир существовал тогда, когда его не было на свете, а значит, наступит момент, что меня когда-то снова не будет. Подобные мысли страшны даже взрослому человеку, а для ребенка, чья повседневная жизнь наполнена радостными открытиями и ощущениями новизны, просто мучительно. «В старом-старом доме, в темной-темной комнате, стоит старый-старый рояль. На этом старом-старом рояле стоят черные-черные свечи, а когда наступает ночь, то...».

Страшные рассказы, с точки зрения здравого смысла, кажутся взрослым людям иррациональными, поэтому дети предпочитают слушать и рассказывать их в дружной ребячьей компании и подальше от взрослого внимания. Жестокие, пугающие истории являются пусковым механизмом подавленных эмоций, которые с визгами и криками детей вырываются откуда-то изнутри, из самого бессознательного. Зачастую, опасаясь наказания и гнева старшего поколения, дети склонны утаивать эмоции негативного спектра, такие как, обида, отчаяние, разочарование и прочее. Любой профессиональный психолог знает, что подавленные эмоции – это бомба замедленного действия: неизвестно, когда вырвется наружу и непонятно, что может произойти. Глубинные механизмы бессознательного заставляют ребенка на инстинктивном уровне избавиться от негативного ощущения страха и тем самым прожить и пережить собственные страхи. Избавление от личного страха происходит по когнитивной схеме: сначала ребенок переживает страх понарошку, затем трансформирует его в воображении и после проецирует в реальность. Удивительно простое психологическое средство, применяемое детьми из поколения в поколение. «Если рассказывание страшных историй происходит в компании, в каком-нибудь темном помещении, в располагающей к этому обстановке», то можно говорить о психологическом смысле этого своеобразного ритуала, заключающегося в совместном переживании страха и совместном его преодолении [11].

Но для того, чтобы страшилки имели мощное психокоррекционное воздействие, дети должны достигнуть девяти-десяти лет. По мысли М. П. Чередниковой, подобное связано с вехами драматической истории преодоления страхов. Так, лет в пять-шесть восприятие ребенком страшных историй можно охарактеризовать как наивное, маленький слушатель испытывает настоящий ужас от услышанного. По мере взросления (с восьми до двенадцати лет) отношение к подобным рассказам меняется: страшилки повествуются не с целью напугать, а вызвать смех у слушателей. Так, истории с явно комическим финалом, так называемые антистрашилки, становятся «любимым» подростковым жанром. Данные повествования имеют две части: начальную – страшную, и финальную – комическую: «Сидят дед и баба перед телевизором. Вдруг по одному из каналов передают: –Избавьтесь от микроволновки и других излучателей вредной энергии». Дед и баба выбросили все «опасные» вещи. Сидят, трясутся от страха. Что же все-таки происходит? А по телевидению передают: –Вы слушали новые версии русских народных сказок?» [9, с. 185]. Посмеяться над своими страхами – является самым действенным средством снять повышенное эмоциональное возбуждение, тревогу, беспокойство и страх.

Ощущение и восприятие окружающей действительности детей имеет корреляционную схожесть с восприятием мира пещерным человеком. Много тысячелетий назад жизнь древних людей была чрезмерно насыщена всевозможными страхами. Что за странные, непонятные звуки? Может хищный голодный зверь неслышно крадется? Причудливые отблески горящего костра отбрасывают на пещерные стены ужасные тени, в плясках которых видится ненавистный враг, безумное животное или карающее божество. К слову говоря, окружающая реальность не представляла первобытному человеку спокойное и беззаботное существование, заставляя жить в постоянном напряжении и ощущении опасности [12]. Организм вынужденный реагировать на подобное

психическое состояние, начинает выделять в кровь адреналин. Эволюционно сменялись века и тысячелетия! Люди выстроили дома, оградил свое жилище заборами, занавесили окна, закрыли двери на засовы – и начали жить без постоянного страха за собственную безопасность. Однако человеческий организм настойчиво просит адреналин. Специфика детского возраста, малый жизненный опыт, недостаточная антиципация делает многое вокруг непонятным, и поэтому опасным, и чтобы понимать и осознавать окружающую действительность необходимо воспользоваться собственными ресурсами, а точнее придумать способ справиться.

Система механизмов психологической защиты является незаменимым противоядием и неосознанным способом переплавить свои переживания в страшилки. Рассказывание, прослушивание страшилок говорит о степени психической зрелости ребенка, уровне развития у него механизмов самостоятельной защиты и самостоятельного сохранения. В результате культурно-исторической обработки иррационального человеческого опыта, а также на инстинктивном уровне, страшные истории сходным образом начинают отражать глубинные события, происходящие в психике человека и оберегать ее от пагубных воздействий собственных страхов. Ужасающие своим видом мертвецы, неправдоподобные животные, призраки и чудища влияют на детское воображение, вызывают ассоциации, находящиеся в глубинах человеческого бессознательного, и будят двойственное ощущение неизвестного и паническое внутреннее беспокойство, тревогу. Стекланные куклы, белые тапочки, ползающие занавески (варианты могут быть бесконечны) демонстрируют ощущение страха, поднимающегося из глубины бессознательного. Темные пятна, черные кляксы проецируют и ассоциативно связаны со страхом смерти. Это своеобразный выход в сложный, непонятный, зачастую агрессивный мир, будоражащий воображение ребенка. События каждого нового дня для ребенка, который недостаточно хорошо изучил собственные мысли, чувства, переживания привносит массу открытий. Выдуманный «герой» страшилки оживляет эти переживания, помогает поверить в них на некоторое время и тем самым прожить собственные страхи, увидеть собственные действия своих переживаний и осознать собственное поведение [7].

Таким образом, как показывают реальная жизнь и педагогически-воспитательная практика, «страшные истории» («страшилки») проецируют детские страхи и должны быть прожиты и рационализированы именно в детстве. Они являются способом познать окружающий мир, возможностью сказать о том, что тревожит, попыткой испытать себя, поднять собственную самооценку, прочувствовать универсальность страданий от страха (осознавая, что другие тоже, как он, боятся, ребенок понимает, что не одинок в переживаниях). Суеверные (страшные) рассказы детей – это своеобразный способ переживания и избавления от страхов, возникающих в реальной жизни ребёнка.

Список литературы

1. **Аникин В. П.** Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
2. **Василенко В. А.** Детский фольклор. М.: Высшая школа, 1978. 198 с.
3. **Грахова С. И.** Детский фольклор // Грахова С. И. Фольклор: справочные материалы. Торонто: Altaspera, 2012. С. 78-94.
4. **Грахова С. И.** Личный архив собирателя. Елабужский, Менделеевский районы Республики Татарстан, 1995-2013.
5. **Грахова С. И.** Мифологические рассказы: поэтика двоемирия // Елабужские филологические чтения: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. С. 46-48.
6. **Грахова С. И., Исмаилова Н. И.** Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. II. С. 67-69.
7. **Осорина М. В.** Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
8. **Померанцева Э. В.** О русском фольклоре. М.: Наука, 1977. 120 с.
9. **Чередникова М. П.** Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 2005. 256 с.
10. **Grakhova S. I., Ismailova N. I.** Mythological Stories about House-Spirit: Themes, Structure, Psychological Particularities // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 18 (1). P. 13-17.
11. **Ismailova N. I., Ljdokova G. M., Panfilov A. N.** Psychological Ways of Coping with Difficult Life Situations of Men of All Ages // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 14 (12). P. 1618-1622.
12. **Jung K.** On The Psychology & Pathology of the So-Called Occult Phenomena. N. Y.: Penguin Books, 2001. 273 p.

CHILDREN'S SUPERSTITIOUS STORIES: PHILOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Grakhova Svetlana Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Ismailova Nailya Irkinovna

Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University

SG2223@yandex.ru; ismailova01@mail.ru

The article deals with the bylichka genre borrowed from adults by children and turned into terrifying (superstitious) stories in the children's folklore. Genre features and poetics of children's bylichka are revealed. The authors see the difference between children's bylichkas and adults' ones in poetic borrowings from the fairy-tale genre. Hence they have double world characteristic which is based on binary relations making up a ternary structure in their turn. Special attention is paid to psychological aspects of children's bylichka performance and existence. The authors reveal children's mythical and cultural world showing the power of complicated combination of regularities of children's psyche and specific perception of the outer world.

Key words and phrases: bylichka (story about meeting with devildom); terrifying story; poetics; genre feature; children's perception of the world; mechanisms of psychological defense; the unconscious.